

УДК 316.356.2

ББК 60.561.5

DOI 10.22394/1682-2358-2019-4-73-81

Z.S. Elsaeva, post-graduate student of the Sociology and Social Policy Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

DESIGNING MALE ROLES IN POLYETHNIC FAMILY MODELS

The situation of family crisis in modern Russia is considered. The logic of changing family relations models is interpreted in the paradigm of the dialogue of cultures, based on the comparison of the established practices in Russian Federation with the Islamic tradition. The risks arising from the spread of the attitude towards interethnic marriages among Russian women are specified.

Key words and word-combinations: traditional family model, patriarchal family, gender roles, cultural identity, dialogue of cultures, cultures of everyday life.

З.С. Эльсаева, аспирант кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А.Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: elsaeva.zarema@mail.ru)

КОНСТРУИРОВАНИЕ МУЖСКИХ РОЛЕЙ В МОДЕЛЯХ ПОЛИЭТНИЧНЫХ СЕМЕЙ

Аннотация. Рассматривается ситуация кризиса семьи в современной России. Осмысление логики смены моделей семейных отношений ведется в парадигме диалога культур, на основе сопоставления сложившихся в Российской Федерации практик с исламской традицией. Артикулируются риски, порождаемые распространением установки на межнациональные браки среди российских женщин.

Ключевые слова и словосочетания: традиционная модель семьи, патриархальная семья, гендерные роли, культурная идентичность, диалог культур, культуры повседневности.

Современная ситуация семейно-брачных отношений в России, как и в других странах, прошедших стадию индустриального развития, в науке и публицистике рассматривается как кризисная [1; 2]. Описание этого кризиса сводится прежде всего к процессу делегитимизации в общественном мнении традиционной модели семьи.

В патриархальной семье власть ее главы представляется абсолютной, но в действи-

тельности она жестко регламентирована традицией [3]. Мужчина может, разумеется, игнорировать интенции домочадцев (в глазах представителей его социокультурной среды он несет ответственность за их нетрадиционные потребности и желания), но отнюдь не свободен в выборе стратегий поведения. Имущество рода положено сохранять и приумножать, жен и детей кормить и одевать (лишь в общепризнанных форс-мажорных обстоятельствах их выживанием можно пренебречь). Между тем в современных рыночных экономиках гарантий такого положения вещей у главы семейства нет. Именно отсюда, а не из «развращенности нравов» начинается размывание его власти.

Однако такого рода «внутрисемейная оппозиция» оказывается эффективна лишь на фоне внутреннего кризиса патриархата. В этом контексте примечательно следующее интервью*: «Мои друзья и знакомые все говорят, что я женился ради гражданства на русской девушке. На самом деле я встретил девушку, общался, и мы решили пожениться. На девушке своей нации я не женился, потому что мне не нравятся обычаи, которые бывают у нас при женитьбе. Здесь, в России, попроще было жениться, пошел, расписался и все. У нас обычаи женитьбы национальные, к исламу вообще никакого отношения не имеют. То, как там выдают замуж, мне не нравится. И когда мои сестры, племянники рассказывают мне, как там прошли свадьбы, я начинаю раздражаться и прошу мне этого не рассказывать. Там очень сложно жениться, много этапов нужно пройти. Сватовство и т.д., и нужно очень много денег, чтобы заплатить калым, подарить всем дорогие подарки, сыграть свадьбу. Это все усложняет молодым людям создать семью. Это скорее всего меня подтолкнуло жениться на русской девушке. И, конечно же, она мне понравилась, мне захотелось создать семью с ней».

Респондент не скрывает обиды на соотечественников, упрекающих его в браке по расчету, и субъективно прав. Но в определенном смысле расчет за его решением действительно стоит. Для него брак стал символическим жестом частичной смены культурной традиции.

Здесь следует обратить внимание на высказывание «обычаи женитьбы национальные, к исламу вообще никакого отношения не имеют». Надо полагать, респонденту известны общедоступные сведения о формах приспособления ислама к условиям ареалов распространения. В Средней Азии исламская культура оказалась дополнена адатом, традиционными нормами социальных взаимодействий, сложившимися в этом регионе на протяжении тысячелетий. Подобные процессы происходили с буддизмом в Центральной Азии, христианством — в европейских странах (включая Восточную Европу), вобравшим в себя местные культы и обычаи вплоть до превращения старых богов в христианских святых. Исламизация, однако, как и христианизация — одна из форм глобализации. Респондент пытается доказать, прежде всего самому себе, что не порывает со своей этнокультурной средой, а лишь корректирует ее характеристики.

* Здесь и далее приводятся материалы авторского эмпирического исследования, осуществленного осенью 2018 – весной 2019 гг. Проведены биографические интервью с представителями сообщества мигрантов из стран ислама в Россию, и русскими девушками, вступившими в межнациональные браки (орфография и стилистика сохранены).

На данный момент, однако, исламский мир остается зоной жесткого следования нормам патриархата. *«Мне помогло то, что я был ей авторитетом в религии, и, конечно же, ее юный возраст. В российском обществе принято, что жена является главной в семье, решает все вопросы. Муж только выполняет определенные требования, указы. Это то, что неприемлемо для нас в наших семьях. Была у нас в начале конкуренция за лидерство в семье, ну а потом это прошло. Я со своей стороны проявлял терпение и понимание, потому что понимал, что человек воспитывался в другой культуре. Поэтому я от себя всегда требовал проявлять терпение, слушать до конца и правильно, мудро принимать решение для того, чтобы исправить сложившуюся ситуацию. Нельзя решать вопрос сразу, как что-то случилось, нужно подождать и потом путем диалога объяснения, разъяснения исправить сложившуюся ситуацию»*, — рассказывает Р. Но он тоже оказывается не в состоянии объективно оценивать ситуацию в российских семьях. В его понимании семьи без главы быть не может. Если в России эту роль не выполняет мужчина, значит, она принадлежит женщине. При этом мудрость в его понимании состоит в том, чтобы чуждую традицию принять во внимание, а затем постепенно перебороть.

Разумеется, в конкретных случаях многое зависит от того, насколько последовательны объединившиеся в семью носители разных культурных традиций в отстаивании привычных норм поведения. Собственно, здесь и проявляются механизмы пограничных взаимодействий культур. С позиций М.М. Бахтина, большинство подобных взаимодействий следует рассматривать как негативно влияющие на культурную самоидентификацию [4]. В такой парадигме диалог культур служит необходимым условием саморефлексии каждой из них. «М.М. Бахтин пришел к теории “диалога культур” по мере анализа проблемы “другого”, рассматривая специфику художественного эстетического отношения через произведения культуры», — утверждает Н.А. Чумаколенко [5, с. 195].

Только сопоставляя собственную картину мира с иной, люди могут определить логику построения этой картины. «Важнейшая особенность, с которой М. Бахтин начинает характеристику диалога у Достоевского, заключается в том, что герои его произведений всегда обращены друг к другу и потому человек в диалоге всегда есть субъект обращения» [6], «о нем нельзя говорить, — можно лишь обращаться к нему» [4, с. 293].

В реальных межкультурных взаимодействиях на первый план выходят, как правило, прагматические интересы общностей. На протяжении всей человеческой истории эти интересы отстаивались чаще всего силовыми методами, что в культурном пространстве означало транскulturацию, сегрегацию, геноцид. В тех случаях, когда одной общности не удается полностью подчинить другую, наблюдается аккультурация [7], или ассимиляция [8] (частичная, изредка полная, односторонняя или в виде культурного смешения), или интеграция [9]. Обычно выделяют следующие ее формы: конфигурационную (тематическую), стилистическую, логическую, коннективную (на уровне непосредственной взаимосвязи составных частей культур при непосредственных контактах), функциональную, регулятивную.

На уровне семьи происходит бытование межкультурных взаимодействий. Респондент-женщина рассказывает: «...но во многих других бытовых моментах мне удалось его поменять. У нас долгой проблемой было то, что он никогда не выкидывал мусор. У них это чисто женские дела. Так как я чертежник по профессии, у меня всегда много бумажного мусора. И, когда я выхожу из дома, у меня всегда руки заняты кучей чертежей. И я ему говорю: “Ну, ты идешь на улицу, возьми, пожалуйста, с собой по пути мусор, я не могу каждое утро таскать”. Сначала он говорил: “Это твоя работа”, но потом я ему объяснила, что это его работа тоже, и я не одна дома мусорю. И он начал выносить мусор. Если он покушал, то он никогда не моет за собой посуду, даже в мойку не может убрать. Просто он привык, что это женские обязанности. У них мама полностью о них заботится. Женщины там не работают, а только следят за домашним уютом. Я объяснила, что я не мама и не могу весь день ходить и подбирать за тобой все. В дальнейшем, кстати, он полюбил русские сериалы, начал понимать русский юмор».

В этом кейсе конфликт двух цивилизаций происходит на уровне элементарных взаимодействий. В странах арабского мира сохраняется разделение труда в весьма архаических формах, доминирование мужчин в обществе базируется на практически полном, как и полтора тысячелетия назад, исключении женщины из сферы общественного производства. Парадокс, однако, заключается в том, что, оказавшись в России, араб попадает в ситуацию, когда занятость женщин «мужскими делами» является естественной, общеочевидной, но и его собственное поведение воспринимается как адекватное не для мужчины, а для инфантильного «маменькиного сыночка». Русская жена и воспринимает его в какой-то мере как избалованного ребенка, которого надо приучать «убирать за собой». Отнюдь не случайным представляется в этом контексте и кажущийся на первый взгляд инородным пассаж о сериалах. Респондент осознанно объединяет в единый комплекс процессы культурной ассимиляции. Муж ее включается в принимающую культуру на поведенческом уровне, параллельно принимая и сложившиеся в ней ценности.

Аналогичный процесс, но противоположной направленности, описывает другая респондент: «У нас в русских семьях все равно существует равноправие между мужем и женой. У них, у туркмен, принято, что жена полностью подчиняется мужу. Если муж что-то захотел, жена тут же должна пойти сделать, то что он сказал. Приготовить, убрать или что-то еще. У русских в такой ситуации все равно начинаются противоречия. Например, у меня муж никогда не моет посуду, а папа мой у нас дома моет посуду. То есть я привыкла, что папа моет посуду. Для мужа это было бы чем-то нереальным, если бы он пошел и помыл посуду. И, конечно же, больше под мужа подстроилась. Выходя замуж за нерусского парня, жене все равно придется, больше подстроиться под мужа».

Вопреки логике теоретических построений С. Хантингтона в описываемой реальности имеется не противоборство двух цивилизаций [10], а внутренняя борьба в каждой из них. Более архаичная культура, естественно,

более монолитна, поскольку в ней еще не произошло дифференциации вариантов развития, накопления потенциала изменчивости. Принадлежи наша респондент в определенной степени культуре модерна, она не приняла бы навязываемых ей норм. Найти экзотического жениха могла бы, но именно как выделяющегося из общей массы, потенциально обладающего неким человеческим капиталом, который можно использовать в привычной среде. Однако, насколько можно судить по интервью в целом, хотя родительская семья девушки жила отнюдь не по нормам домостроя, некоторые латентные представления о традиционных ценностях в ней наблюдались. Они и реализовались сначала в выборе жениха, а затем и готовности принять в своей собственной семье его роль лидера, а с нею и свою вторичную роль с присущими ей обязанностями. Она знает, что может быть иначе, но ценность самостоятельности, права на принятие решений для нее не является определяющей.

Близким по смыслу представляется случай, описанный в следующем биографическом интервью: *«У нас было много столкновений и непонимания в начале создания семьи. Например, в отношении к родителям, вот я скажу, что в нашей русской культуре, в современной, родители не находятся на такой высоте, как, допустим, в кавказской культуре. Вот, например, муж мне сказал, какая у нас будет градиция. Сначала его родители, потом мои родственники, потом ты. И вот это как бы для меня было, с одной стороны, шоком, почему я стою где-то в конце. Но со временем понимаешь правильность этого расположения и этой иерархии. ...На первых порах я не понимала, почему, если мои желания не совпадают с желаниями его родителей, почему они всегда отбрасываются. Со временем только понимаешь, что это важно. И наверно, если бы я тогда это поняла, меньше бы всяких проблем было сейчас.*

Я считаю, что мужчину очень трудно под себя подстроить, тем более кавказского. ...Моего мужа очень трудно перестроить, он крепко стоит на своих традициях. Конечно, он слегка ассимилировался в нашу культуру, например, какие-то правила поведения. И то, сейчас, когда он стал старше, он начинает говорить про свое и пытается это сюда привнести. А в основном я подстраивалась и подстраиваюсь до сих пор. Мне кажется, женщина-то и должна подстраиваться, мужчину ломать нельзя.

Но, естественно, я пыталась поначалу его подстроить под себя. Тем более я была воспитана в такой семье, где мама была главным человеком, то есть на ней строилась семья. И поэтому, естественно, что вот этот пример был: “как мама скажет”. Мы не смотрели, как папа скажет, а как мама скажет, должно быть. У нас, например, все финансы хранились у мамы, а когда мы начали жить вместе с мужем, у нас получилось так. Он же зарабатывал деньги и получалось, что все деньги были у него, и вот это тоже была такая трудность. И он тоже был не готов к тому, чтобы я распоряжалась деньгами. Он покупал еду и все, что надо, и в принципе не отказывал мне. Но вот это, что надо было идти просить, для меня было неприятно. Я хотела, чтобы деньги были у меня и чтобы он у меня их про-

сил. Ему тоже пришлось перестраиваться, сейчас, например. Я знаю, что у него есть какая-то сумма, и он мне дает какую-то сумму, и все равно мне отдает какие-то деньги на общие расходы или если мне что-то нужно. Но вот на первых порах проблемы такие бытовые были. Очень много было таких моментов, хорошо, что у меня муж терпеливый в этом плане».

Данное описание характерно для классического патриархата. Девушка входит в большую семью, где глава — не ее муж, а старший в роде, причем, как она сама понимает, есть некая «иерархия», согласно которой и строятся отношения. В действительности логика клановых сообществ проста. Они существуют на стадии развития социума, когда институты *Gesellschaft* еще не получили развития. Э. Гидденс и У. Бек трактуют современные социумы как общества риска [11–13] (мир «институционализированных сред рисков» [14], в котором «выгода от технико-экономического “прогресса” все больше оттесняется на задний план производством рисков» [12, с. 14]), но в действительности уровень рисков в цивилизациях, предшествующих индустриальному обществу, был много выше. Более основательной представляется позиция Н. Лумана, полагающего, что традиционные общества сталкивались с риском в формате «неуверенности относительно будущего», «либо возможный ущерб рассматривается как следствие решения, т.е. вменяется решению. Тогда мы говорим о риске, именно о риске решения. Либо же считается, что причины такого ущерба находятся вовне, т.е. вменяются окружающему миру. Тогда мы говорим об опасности» [15, с. 150]. Регулярные неурожаи, мелкие, но частые военные конфликты, несовершенство технологий в сумме делали шансы на выживание модели нуклеарной семьи минимальными, одинокая женщина таких шансов не имела вовсе.

Большая семья была инструментом перераспределения ресурсов, выполняя по сути функции хедж-фонда. Разумеется, при этом приходилось жертвовать индивидуальным развитием. Речь идет отнюдь не только о свободе выбора. Личность в этой системе должна прежде всего уметь подчинять свои интересы интересам клана. В долгосрочной перспективе это означает торможение развития, циклический характер изменений. Именно поэтому клановые общности на длительной дистанции проигрывают, как это описано, например, в романтизированной форме В. Скоттом или Р.Л. Стивенсоном применительно к судьбе горцев Шотландии. Однако действительное разрушение клановых структур происходит лишь при полной интеграции их в общества индустриального типа. На Северном Кавказе эти процессы никак нельзя считать завершенными.

Как полагает И.В. Боровкова, «традиционный образ мужчины и образ “метросексуала” выражают различные ценностные ориентации... Несмотря на его новизну, данный образ уже создает новые гендерные проблемы в обществе. Традиционный образ мужчины, укоренившийся в ментальности русской культуры, входит в противоречие с теми образами, которые рекламирует субкультура глянца» [16]. Такого рода обобщение представляется слишком поспешным.

Рефлексия социальных аспектов мотивации вступления в брак присутству-

ет в следующем интервью: «...просто понравился человек, не задумывалась особо о его национальности, на тот момент ничего не знала об особенностях его менталитета, не пыталась узнавать, как там было у них. Стереотип был, считала нерусских мужчин (преимущественно кавказцев) лучше русских, более мужественными что ли...». В этом случае наблюдается не столько признание достоинств иной культуры, сколько критическое отношение к собственной социальной общности. При сравнении с соотечественниками мигранты идеализируются.

Об инфантилизме мужчин, впрочем, говорят и пишут не только в России, но и в европейских странах, США. Во многом такого рода оценки источником имеют суждения женщин, ориентированных на модели семьи, близкие к традиционным, со смещенным в сторону мужчины вектором ответственности, прежде всего за имущественное благосостояние.

В конце 2018 — начале 2019 г. одной из наиболее популярных тем обсуждения на YouTube и ряде других площадок стали претензии девушек к уровню доходов их партнеров или мужей: «Двести тысяч хотя бы, это минимум», — говорит симпатичная девушка на камеру (ролик собрал к апрелю 2019 г. 837 349 просмотров) [17]; «пятьдесят тысяч рублей в месяц — это катастрофа», — утверждают три девушки [18]; «ну, сто тысяч хотя бы» [19]; «если нет базы какой-то, как можно строить семью, отношения начинать?» [20].

Между тем аналогичные уличные опросы демонстрировали обратное: пятьдесят тысяч рублей в месяц, причем в Москве, — норма для обычных людей; «живут и на тридцать» [21]. В провинции такие доходы представляются высокими. В Саратовской области в 2017 г., по оценке Росстата, средняя заработная плата едва превысила 22 тыс. рублей, в 2018 г. — 27 тыс. рублей, что вызвало удивление жителей области [22]. Таким образом, выбор в пользу иностранцев осуществляется на фоне очевидного несоответствия статуса большинства соотечественников запросам женщин.

Образ «метросексуала» входит в противоречие с традиционными схемами и английской, и итальянской, и китайской, и японской, и «даже» французской, культуры. Любая инновация (безотносительно к оценке ее значимости, адаптивности, продуктивности), естественно, не может находиться в согласии с традицией. Говорить о национальной специфике здесь некорректно.

Для народной культуры (без каких-либо национальных различий), что наиболее выражено зафиксировано применительно к периоду XVIII—XIX столетий, характерно иронически-негативное восприятие мужчины типа «петиметра», щеголя, бездельника, который может показаться некоторым аналогом метросексуала. Создается иллюзия, что в этом плане действительно можно рассуждать о некотором продолжении традиции в разного рода публицистических выступлениях по поводу «чуждости» глянца народной культуры. Однако «петиметр» для негативных восприятий народной массы XVIII—XIX вв. был не основной, а самой доступной мишенью. К жандармам отнюдь не питали любви, но смеяться над ними опасались в большей степени, потому что это могло иметь нежелательные последствия.

Что касается собственно гендерных отношений, метросексуал может вызывать негативное восприятие в той мере, в какой близок типу пикапера, по сути сутенера, пытающегося паразитировать на женщинах. Разумеется, для определенной части женщин, сохраняющих патриархальный тип сознания, он противопоставлен «положительному» мужчине, хорошему семьянину, подчиняться которому необходимо, потому что он «обеспечивает» женщину. Вместе с тем подобная позиция означает отказ от самостоятельности, и в этом плане для феминистского сознания в образе метросексуала не должно быть негативного содержания.

Инаковость сама по себе может привлекать, создавая романтический интерес: *«...так получилось, что я познакомилась с парнем-сирийцем, который приехал учиться в Россию. Не было такого, что я специально искала мужа араба. И, если смотреть среди местных мусульман — например, проживающих на Кавказе, — мне кажется, что арабы более ближе к русским, чем кавказцы»*, — рассказывает М.

Имеются также случаи осознанного выбора женихов из мигрантских сообществ: *«Страх не было выходить замуж за человека с другой страны и другой национальностью. Потому что я до знакомства с мужем приняла ислам, и для меня главное было выйти замуж за мусульманина»*. В данном случае речь идет о смене социокультурной ориентации. По сути, респондент избирает один из возможных способов такого переключения, связанного не с личным выбором в пользу конкретного носителя той или иной культурной традиции, а с выбором самой традиции. Однако такой вариант распространенным не является. Он, как правило, реален для девушек, родившихся в семьях, ориентированных на ислам, и в крайне редких случаях — в ситуациях индивидуального решения в пользу ислама, сделанного на том или ином социокультурном фоне.

Пересмотр моделей семьи в российском социуме идет последние три столетия в том же направлении, что и в европейских странах, но осложнен противоречиями процессов модернизации общества в целом. Россия пережила революционный слом общественно-политического устройства и системы социально-экономических отношений, прошла через социалистический эксперимент, сопряженный с жесткой борьбой различных представлений о путях перехода к социализму, осуществила возврат к рыночным отношениям. Государственная политика в отношении семьи неоднократно пересматривалась, при этом вполне естественно появление конкурирующих представлений об устройстве семьи, мужских и женских ролях в ней.

В данном исследовании внимание сосредоточено на одном из аспектов конструирования женщинами ролей своих партнеров по браку, которое носит преимущественно практический характер, поскольку теоретический план экспликации интересов женщин связан в большей степени с феминизмом, когда брачные отношения артикулируются крайне слабо. В практиках, ориентированных на традиционные ценности, женщины чаще всего выбирают мужчин, представляющих культуры традиционного типа. При этом, однако, открытым остается вопрос о гарантиях собственно российской идентичности.

Библиографический список

1. Синельников А.Б. Кризис брачно-семейных и межпоколенных отношений и приоритетные направления демографической политики в России: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2015.
2. Булгакова С.А. Кризис семьи и традиционных устоев в современном обществе // Инновационная наука. 2016. № 5-1 (17). С. 215–217.
3. Джабер Х.М.А. Семейные ценности в арабской культуре // Психология образования в поликультурном пространстве. 2016. № 33 (1). С. 24–28.
4. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 2017.
5. Чумаколенко Н.А. Теория «диалога культур» М.М. Бахтина – В.С. Библера и развитие медиаобразования в художественно-эстетическом образовании и воспитании школьников // Теория и практика общественного развития. 2013. № 1. С. 194–196.
6. Дьяконов Г.В. Концепция диалога М.М. Бахтина – основа экзистенциально-онтологической психологии // Диалог культур XXI. URL: <http://www.culturedialogue.org/drupal/ru/node/847>
7. Павловская О.А. Аккультурация: проблемы национального самосознания // Россия и Запад: диалог культур. URL: <http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-03-27/335--1-r.html>
8. Тотров Р. Межкультурные отношения: мировоззрение и адаптация. Из опыта американских исследований. URL: <http://www.e-executive.ru/community/articles/631218/>
9. Беляева Е.Е. Культурная интеграция как основная стратегия культурной политики Европейского союза: дис. ... канд. культурологии. М., 2011.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
11. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1991.
12. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
13. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1.
14. Лебедева Л.Г. [и др.]. Концепции общества риска в социологическом дискурсе // Вестник Самарского муниципального института управления. 2014. № 2. С. 129–137.
15. Луман Н. Понятие риска // Альманах THESIS. 1994. № 5.
16. Боровкова И.В. Изменение социальных ролей мужчин и женщин как феномен в современной культуре // Молодой ученый. 2012. № 4. С. 512–514.
17. Сколько должен зарабатывать мужчина? Опрос девушек. Средняя зарплата в Москве для жизни. URL: <https://www.youtube.com/watch?>
18. Сколько должен зарабатывать мужчина в Москве? Красавицы – почти даром! Реакция. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bFKE-U0I4Kc>
19. Сколько должен зарабатывать мужчина? Реальный опрос девушек Москвы. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=u1GZV99Lh8k>
20. Сколько должен зарабатывать мужчина (опрос содержанок). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kqIB9mibOgs>
21. Сколько должен зарабатывать мужчина? Средняя зарплата в Москве в спальных районах. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NwxJfk6N86g>
22. Саратовцы о средней зарплате в регионе по данным Росстата. URL: Rush Word YouTube Published on Jul 30, 2018